

В ранних романах Горького было много интересных типажей — идеологических и психологических, особенно когда он описывал молодых, не очень самоуверенных юношей — как Фома Гордеев, или очень сильных и доминирующих мещан, как Маякин. Но в этих произведениях (а не в некоторых более кратких рассказах — «Челкаш» или «Двадцать шесть и одна») он не успел найти равновесие между идеологией и гуманной реальностью.

Во втором десятилетии XX века Горький оказался под влиянием известного издателя Сытина, который дал ему дельный совет — использовать личный опыт, чтобы избежать длинных и абстрактных фраз. И удача не замедлила себя ждать:

первая часть автобиографических эпизодов «Детство», потом «Мои университеты», через несколько лет — «В людях».

В этих рассказах счастливые читатели встречались с такими незабываемыми личностями, как бабушка Акулина с ее невероятной памятью русской народной поэзии и как дедушка с кнутом в руке, а еще с бурлацкими воспоминаниями о Волге-реке.

Когда молодой Алексей Пешков (фамилию Горький он принял позже, в 1892 году, при издании его первого рассказа — «Макар Чудра») приезжает на речном пароходе из Астрахани, его мама встретила его холодно, потому что Максим, его папа, умер от холеры, заразившись от больно-

го ребенка. Мама Варвара считала ребенка виноватым в смерти своего любимого мужа.

Взбудоражили воображение мальчика и строки русской народной поэзии, которые бабушка Акулина пела для окружающих пассажиров. Когда писатель вырос, он никогда не забыл ее теплоту и талант. Из одной из этих песен вышел и дьякон Евстигней:

Сунули его в адское пламя:  
— Ладно ли, Евстигнеюшка, с нами?  
Жарится дьяк, озирается,  
Руками в бока подпирается,  
Губы у него спесиво надуты,  
А — угарно, — говорит, у вас в аду-то!

Мы сразу представляем писателя Горького, стоящего в его аду, руки в боки, со спесиво надутыми губами, когда он смотрит перед собой и видит мир Кашириных и мир вокруг. Слава богу, что теплота Акулины согревает бессердечность этого свирепого мира.

С другой стороны, мама Варвара также старается, чтобы мальчик соприкасался с поэзией. И она читает — мальчику с хорошей памятью — строки из классической русской классики:

Большая дорога, прямая дорога,  
Простора немало взяла ты у Бога...  
Тебя не ровняли топор и лопата,  
Мягка ты копыта и пылью богата.

Сын ее слушает с неослабевающим вниманием, а воображение будущего художника переосмысливает все по-своему:

Дорога, двурога, творог, недорога,  
Копыта, попы-то, корыто...

Это абракадабра, но ритмически гениальная и оригинальная, а еще очень похожа на настоящую поэзию.

Образ бабушки Акулины очень сильно и живо передан в первой части трилогии. Она хорошо понимает мальчика Алексея и защищает его от ужасов в семье Кашириных. Горький вспоминает ее в контексте неразрывного целого, сочетания православной и природной традиций — Алексей видит в ней и Богородицу, и благоухающую яблоню. Это, наверное, начало его обращения к лучшим идеям христианства, потом, уже будучи связан неразрывными узами с марксизмом, он создаст

термин «богостроительство». В пику тому, что он называет «богоискательство».

В контексте более поздней и свирепой борьбы против религии и за безбожие эти строчки прозвучат пророчески. Он получал много суровых замечаний по этому поводу от своего друга — Ленина.

В этом случае мы видим необычно схожую позицию православного архиепископа с архиешфом большевиков. Они оба обиделись на горьковские слова о богостроительстве.

Конечно, диалектическая противоположность бабушки — дедушка, который осерчал на мальчика, уничтожавшего цвет ткани красильщика, так, что чуть было не убил его. Горький видел в дедушке бурные и черные силы Старого Завета — молния и гром карающего Иеговы. На самом деле он немножко смягчил картину в той части, когда дедушка пришел к Алексею с пряником в руке. Старик начал говорить о том, как он был в бурлаках, которые по берегу Волги тянули на себе пароходы. Но это воспоминание предвосхитило более позднюю сцену, где юноша Алексей, вернувшийся в дом Кашириных, начал бодать своего деда в живот.

Старик ответил самыми яркими фразами в книге Горького: «Что, козел, опять бодаться пришел! Ах ты разбойник! Весь в отца! Фармазон, вошел в дом — не перекрестился, сейчас табак курить, ах ты, Бонапарт, цена копейка!»

Читатель видит в этих страстных и колоритных словах невольное уважение к деду русского писателя!

Когда мы читаем автобиографию, мы обычно ожидаем его субъективное представление о мире: сквозь призму его чувствований и умонастроений мы смотрим его глазами на окружающую его реальность. Но в данных воспоминаниях мы ясно и живо представляем людей около Алексея, но мы мало понимаем, что происходит внутри него. Алексей всегда прав, морально и по сути. По-английски мы могли бы назвать его prig. Но его описание слишком колоритно и привлекательно, чтобы быть точкой зрения of a prig.

Когда пятнадцатилетнего Алексея Пешкова дедушка выгнал из своего дома, дома Кашириных, юноша встретил ценного человека — кухаря на волжском пароходе с волшебным сундуком, с огромной кучей самых разнородных книг. Когда молодой читатель начал психологически погружаться в эти источники знания и опыта, он был готов окунуться во взрослую жизнь, не только со своей королевой Марго, но и с огромной массой разнородных фигур царской России.

Самыми интересными людьми молодому Алексею показались босяки — народные полуфилософы, путешествующие по просторам России. Молодой писатель подписывает свой первый рассказ («Макар Чудра») именем своего умершего отца — Максим Горький. Позже, в письме Амфитеатрову, Горький скажет, что он только был М. Горький — и этот М. мог бы быть и Муфасаил, и Мордехей или Мракобес. Очевидно, буква М, или Максим, имела глубокое психологическое значение для него.

Колоритные литературные герои, такие как Челкаш или молодые женщины (например, в рассказе «Двадцать шесть и одна»), были очень хороши в ранних рассказах. Они немножко напоминают дьяка Евстигнея в рассказе любимой бабушки Акулины: «Угарно у вас в аду-то». Русские читатели (включая Льва Николаевича Толстого и Антона Павловича Чехова) принимали этих персонажей с большим интересом и симпатией — для них это было что-то совсем новое.

К началу XX века Горький как писатель достиг международной литературной известности с пьесой «На дне» (название неправильно перевели на английский как *The Lower Depths*).

Благодаря высокому искусству МХАТа театры всей Европы и США покорили и заразили зрителей идеями и помыслами Горького. Известный американский драматург Eugene O'Neil даже написал очень популярную пьесу *The Iceman Cometh* как переосмысление горьковской драмы.

Знакомясь с актерами в МХАТе, Горький обрел близкого товарища, женщину и актрису Андрееву — это событие положило начало его знакомству с революционными деятелями и лично с Лениным.

Андреева участвовала в политике партии большевиков и была лично знакома с Лениным. Владимир Ильич, конечно, знал о популярности молодого писателя и оценил его симпатию к тем, кто не любил царское правительство.

Горький не всегда соглашался с ленинскими программами, особенно с агитацией большевиков против религии и идеи Бога. В их переписке с вождем можно отметить много (довольно деликатных) критических замечаний со стороны Ленина по поводу горьковской иногда не совсем лояльной приверженности к радикализму. Но популярный и привлекательный писатель — очень ценная политическая находка для партии радикальных революционеров.

Рассуждая таким образом, Ленин посоветовал Горькому в 1906 году приехать на мою родину, употребив его популярность во благо партии большевиков, тем более в Америке было немало людей, настроенных против царского режима. Деньги, вырученные от чтения лекций, пойдут на общее дело. Поэтому в один прекрасный день в 1906 году Горький с Андреевой пристали к гавани Нью-Йорка. Их встретила огромная толпа журналистов из самого большого американского города.

Одним из самых известных и влиятельнейших людей в США был Mark Twain. Он чувствовал себя вроде литературным братом русского писателя Волги-реки, постольку поскольку он был описателем Миссисипи. Горького сразу окружили журналисты, посыпались вопросы: «Мистер Горький, будет ли революция против царя?», «Мистер Горький, будет ли демократия в России?», «Мистер Горький, будет ли?..» Горький был в ответе за все. Андреева очень старалась перевести вопросы с неизвестного Горькому английского языка.

В американских газетах и журналах появился великолепный словарный банкет-пир для русского демократического революционера. Ажиотаж был такой, что царские дипломаты в США не на шутку были обеспокоены ростом популярности Горького.

Но, к своей радости, они узнали, что молодой русский писатель совершил непростительную оплошность: он дал согласие американской газете «Верст» (*Hearst*), чтобы только она освещала его американское турне. Царские дипломаты быстро проинформировали других журналистов, что Горький приехал не со своей легальной женой. Журналы тут же раздули пожар из искры: мол, Горький вынашивает скандальный план — растлить невинность и чистоту Нью-Йорка. Мне как американцу стыдно признаться в том, что большинство моих соотечественников приняли это за чистую монету; даже Mark Twain, которого я очень люблю и уважаю, бежал от Горького как от огня!

Бедного Горького с его компаньонкой выгнали из гостиницы.

Слава богу, молодой профессор из колумбийского университета John Dewey (позже он стал самым известным американским философом) принял к себе молодую пару. После этого Горький написал в США свой самый пролетарский роман — «Мать». И словно в отместку за него-степриимство, разразился не совсем дружеским памфлетом «Город желтого дьявола». По его

словам, в Нью-Йорке изо дня в день добывают золото. Каждый день все его оголтелое население бегают в поисках золотого металла — и никогда не находят его.

Несколько лет спустя, в Италии, Горький ска- зал американскому ученому Alexander Kaun, что ему, Горькому, досадно, что он написал такой тенденциозный рассказ. Но я должен сказать, что когда я в семнадцатилетнем возрасте впервые ви- дел Нью-Йорк, то я получил такое же самое ощу- щение о городе, которое наши писатели именуют не иначе как «золотое яблоко».

Из его воспоминаний — мне кажется, это одни из лучших произведений, — заслуживают внима- ния воспоминания о Толстом и Чехове.

Образ Л. Н. Толстого переполнен двумя про- тивоположными ощущениями. С одной сторо- ны, глубокое уважение к вершине русской ли- тературы, с другой стороны, едва скрываемое недовольство человеком, который своей стран- ной манерой обнаруживает публичную и доволь- но популярную маску Горького. Толстой хвастает- ся тем, что «я лучший, реальнее мужик, чем ты». Он говорит о том, что «ты не большой бабник». Горькому не нравится, что великий писатель ведет себя запанибрата с ним.

Шкловский писал, что Горький скрыл все то, что сказал ему Толстой. Однажды дочь Толстого при- шла к отцу — у нее в руках был заяц со сломан- ной ногой. Без слов он взял животное в свои руки опытного охотника и двумя пальцами задушил его.

Вообще читатель горьковских мемуаров чув- ствует, что Толстой — тот человек, который защи- тил Горького от полицейского произвола, однако же вместе с тем в секретном письме Толстой пи- шет, что он терпеть не может пропаганду в про- изведениях этого писателя, но не хочет, чтобы пу- блика знала об этом, ведь этот молодой писатель заставил русских людей понять, что герои пьесы «На дне», босяки, являются нашими братьями и се- страми.

Образ А. П. Чехова действительно захватил су- щество и душу писателя, который изобразил неу- ловимые полутона душевных переживаний персо- нажей на подмостках МХАТа и на страницах тонких и чутких рассказов. Но Чехов подробно анализи- рует стиль автора, который слишком абстрактно и многосложно описывает людей и мир вокруг них. Он берет длинное драматическое горьковское описание океана в «Челкаше». По словам Чехова, слова школьника «море большое» — это гораздо

лучше и убедительнее. Горький принял чеховскую критику тихо, без гнева, очевидно, он чувствовал его правоту. Но он отвечает ему, что он не может писать иначе.

Когда Горький был в доме Чехова и видел людей, приходящих к известному врачу-писате- лю, он слышал слова провинциального учителя. Школьмейстер хотел произвести благоприятное впечатление длинными абстрактными фразами. Чехов просто и тихо ответил: он слышал о том, что учителя побили каких-то школьников. Учителя, ко- нечно, обидело это замечание. На что Чехов отре- агировал весьма спокойно, сказав, что он не имел в виду гостя.

Учитель успокоился и рассказал писателю о том, что бедный учитель в местной школе был в таком бедственном положении, что осерчал бы и на ангелов, но — поверьте — эти школьники были далеко не ангелы!

Такими случайными вроде бы замечаниями Горький описывает нежную и строгую атмосфе- ру, царившую вокруг русского врача — драма- турга-рассказчика и глубокого психолога.

После Америки Горький побывал в Италии, где, кроме всего прочего, создал школу для рабочих, ставшую конкурентом школе Ленина. Центром раздором послужила горьковская небольшеви- ская идея о богостроительстве. Но в 1913 году по царской амнистии для политических эмигрантов (трехсотая годовщина династия Романовых) Горь- кий вернулся домой. Это было время катастрофи- ческих потерь в русской армии в 1914–1918 годах и двух революций в 1917–м. Наконец его любимые большевики достигли власти, о завоевании кото- рой Ленин говорил в одной из его самых известных речей («Что такое советская власть»).

Многие (включая, конечно, Ленина) считали, что Горький поддержит приход большевиков к власти, его страстная мечта воплотилась в жизнь. Но, несмотря на слова испанского писателя (*La via e sueno*), жизнь гораздо сложнее любой писатель- ской грезы. После 1917 года Горький оказался в эпицентре трагических событий, стараясь спасти людей, объекты исторического наследия. Мно- жество родственников арестованных обращались к нему за помощью, и он почти никогда не отка- зывал, употребляя свои близкие связи с Лениным.

Шеф большевиков вначале содействовал горь- ковским просьбам, но этого было недостаточно: в журнале «Новая жизнь» начали появляться ра- зоблачительные статьи известного большевика

Горького со страстной критикой действия власти. Вначале Ленин игнорировал жалобы своего старшего друга, но противоречия обострились в связи с одним делом. Арестовали популярного поэта Гумилева, который не хотел сотрудничать с органами, требовавшими, чтобы он назвал сообщников. Гумилев отказался, поэтому была неминуема расплата. Родственники поэта обратились к Горькому, последний — к Ленину. Казалось, что все будет хорошо, Гумилева освободят. Но Гумилева расстреляли, погиб поэт (словно эхо лермонтовского стихотворения на смерть Пушкина) — и Горький возмутился. Ленин старался смягчить обстоятельства гибели и посоветовал Горькому подыскать медицинское учреждение подальше от революции. И с 1921 по 1927 год Горький — эмигрант (презрительное Маяковского: «Помните ли Вы буревестника своего?»), жил в Берлине, в Праге, в Сорренто.

В Берлине (1922) он написал памфлет «О русском крестьянстве», в котором послал ко всем чертям всю Россию, от времен царя Гороха до большевиков. Тон был самый нелицеприятный, даже для создателя «Песни о буревестнике». И чувства самые чистосердечные.

Но все это было довольно сиюминутно, Горький приехал в Сорренто, общался с Шалапиным, многими советскими писателями и художниками. Результатом чего явились на свет «Итальянские рассказы».

В 1927 году (?), к разочарованию эмигрантского мира, он триумфально вернулся в СССР. И художник, который вырос в скромном новгородском домике Кашириных, в Москве 1930-х обнаружился уже в шикарном и пышном доме Рябушинского.

Жизнь Горького, после того как он вернулся в советскую Москву, была непростая: он скоро понял, что Сталин в плане спасения людей — человек гораздо более жесткий, чем Ленин. Хотя Сталин и устроил Горькому проживание в шикарном, купеческом доме, Горький был окружен служанками, которые докладывали о его каждом шаге.

Его авторский псевдоним превратился в название города детства, главную центральную москов-

скую улицу и тысячи других улиц во всем Советском Союзе. Его каждое слово печатали во всех органах печати. Развернувшаяся страстная дискуссия о новом социалистическом по форме жанре литературы не только на русском языке, но и на всех языках СССР, была задана и сформулирована Горьким. Он выдумал и определил новую форму: социалистический реализм. И горе тому писателю, который не понял разницу между буржуазным реализмом и социалистическим. Не одну тонну чернил извели советские теоретики, старались объяснить, в чем природа социалистического реализма.

Наконец, на первом собрании новой организации — «Союз советских писателей» (1933?) — сам Горький выступил с авторитетным докладом «Партия и правительство дали писателю все, отняв у него только одно — право писать плохо».

Тогда Бабель ответил так: «В таком случае я владею только одним жанром — молчание».

В то время стало ясно, что экспериментальные литературные формы нэпа — оригинальные и сумасшедшие — уже в корзине истории. Что касается таких стилей, как символизм, футуризм и т. п., то теоретики могут поспорить о них гораздо позже.

Для меня исконные горьковские места были очень важны. В 1975 году я очень хотел навестить дом Кашириных в городе Горьком. Но город был закрытым. И когда я подошел к человеку в правительстве и спросил: попросите, пожалуйста, ваших людей, чтобы они окружили меня солдатами и увезли в закрытый город, мне интересное одно только место — родовое гнездо великого писателя. Человек обещал, что все будет исполнено. Увы, это в то время оказалось невозможно. Но взамен мне дали фильм, снятый во время открытия ССП, выступление Горького и т. п. И я посмотрел на старое горьковское лицо — он страстно ораторствовал и вдруг разрыдался.

А еще я познакомился с человеком, который хорошо знал Горького. Это случилось в 1963 году, когда я был на даче в Переделкино. Корней Иванович, с которым я много и близко общался до его смерти в 1969 году, рассказал мне детали о смерти Горького (1936). Он был в доме, где это случилось...

Тех, кому это интересно, отсылаю к моей книге, вышедшей в Нью-Йорке в 1966 году и в Москве в 1992 году.

С самыми лучшими пожеланиями моим русским читателям, ваш Ирвин Вайл